

Helena Bilutenko

Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupały

ORCID: 0000-0002-2036-5168

**«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС»
В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЛИЗЫ ОЖЕШКО
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «НАД НЕМАНОМ»)**

6 июня 2021 года исполнилось 180 лет со дня рождения Элизы Ожешко (1841–1910) – почетной жительницы Гродно, выдающейся писательницы и общественного деятеля. Ее имя было хорошо известно в литературных кругах Европы во второй половине XIX – начале XX века¹. «Звездой первой величины» называл Элизу Ожешко Иван Франко. В предисловии к последнему белорусскому изданию романа «Над Неманом» Владимир Казбярук пишет о большом уважении, которое писательница заслужила себе в белорусской культуре². В Беларуси Э. Ожешко помнят и чтут. Особенно в Гродно, где она жила и работала начиная с 1869 года, поднимая животрепещущие общественные проблемы и давая как на страницах своих произведений, так и в реальной жизни уроки высокого гуманизма. Произведения писательницы до сих пор будят живые эмоции читателей и постоянно переводятся³.

Работа над романом «Над Неманом» совпала с двадцатилетней годовщиной писательского дебюта Э. Ожешко. Роман, который она сама считала своим наивысшим «эстетическим триумфом», занял центральное место в творческом наследии и стал опознавательным знаком писательницы. Написанный к двадцать пятой годовщине Январского восстания 1863 года, роман поднимал самые актуальные проблемы политически несвободного польского общества, в том числе и проблему положения женщины.

---

¹ Например, ее тенденциозная повесть Марта (1873) пользовалась у читателей огромным успехом и сыграла важную роль в истории движения эмансипации женщин. Она была переведена на 15 языков и находилась в списке произведений, обязательных для прочтения в немецких школах [прим. автора].

² Роман «Над Неманом» в переводе Анатоля Бутевича был напечатан в 2003 году издательством «Мастацкая літаратура».

³ В московском издательстве «Художественная литература» подготовлена к печати повесть «Меир Эзофович» с предисловием выдающего белорусского ученого-литературоведа, доктора филологических наук профессора Светланы Филипповны Мусиенко.

Первоначальное желание Ожешко озаглавить его как «Мезальянс» свидетельствует о связи идейного замысла с такими важными для автора «социальными детерминантами», как проблема эмансипации женщины, ее социальной роли и положения в семье. Отказавшись позднее от «Мезальянса» в пользу «Над Неманом», писательница подчеркнула мотив Немана как более универсальный, максимально концентрирующий идейно-тематическое богатство произведения. Вместе с тем названные проблемы, неразрывно связанные с идейным замыслом, играют исключительно важную роль в концепции художественной действительности в романе.

Следует помнить, что в последней трети XIX века во главе движения эмансипации женщин в Польше стояла именно Ожешко. Ее предшественницей на этом поприще была Нарциза Жмиховская (1819–1876) – всесторонне образованная учительница, просветительница, писательница, автор одного из лучших польских романов эпохи романтизма «Язычица» (1846). В 40-х годах XIX века первые участницы движения женщин в Польше, так называемые «энтузиастки» (название было предложено Жмиховской), объединились вокруг «Пшэглэнду Науковэго», который издавал Ипполит Скимбрович. «Энтузиастки» имели не только интеллектуальные и политические амбиции, но пытались также участвовать в формировании общественного мнения. Жмиховская первой выдвинула программу самореализации женщины, отстаивая ее право на образование и профессиональный труд. Знаменитая «энтузиастка» считала, что женщина должна быть готова начать играть новую роль в обществе, но при этом, обладая большей по сравнению с мужчиной экзистенциальной чуткостью, оставаться именно женщиной. Габриэлла (псевдоним Жмиховской) хотела, чтобы женщина была счастливой и могла осуществить те свои стремления, на которые традиционная система воспитания накладывала самые строгие ограничения. Справедливости ради следует заметить, что согласно программе «энтузиасток», женщина не должна была вторгаться в исконно «мужские» области социальной жизни – политику, дипломатию, власть и пр.

Э. Ожешко как личность и как писательница сформировалась в другой эпохе духовной жизни польского общества, в последовавшей за романтизмом эпохе позитивизма, и поэтому принадлежит к иной парадигме понимания женственности. Новые концепции и новые социальные программы, появившиеся после поражения Январского восстания, определяли роль женщины прежде всего в границах семьи как социального института. Так, Данута Марковская пишет, что ни одна фракция польских эмансипанток (даже самая радикальная) не подвергала сомнению «домашне-семейную»

функцию женщины, добиваясь для нее возможности получить образование и профессиональную подготовку, требуя также уважения к ее роли женщины и матери, однако крайний феминизм был им чужд⁴.

Неприятие социальной революции, страх перед космополитизмом и, прежде всего, трагизм политической ситуации народа в неволе – вот факторы, ограничившие круг требований польских эмансипанток и надолго определившие особенности женского движения в Польше: оно сконцентрировалось больше на теоретических рассуждениях. Именно поэтому первыми эмансипантками были женщины-писательницы, которые в публицистике и в художественном творчестве рассматривали и оценивали различные образцы женского поведения.

Свои взгляды на «женский вопрос» Э. Ожешко – горячая сторонница учения позитивистов – изложила в различных по жанру художественных произведениях и публицистических статьях. Она писала о домашнем воспитании и образовании женщины, о любви, о браке и семейной жизни, о причинах и трудностях развода, о положении в обществе незамужней женщины, о положении и роли женщины в семье. Варшавские позитивисты в своей программе вообще отводили семье особую роль, так как все иные социальные институты после поражения Январского восстания находились под сильным политическим прессингом. Ожешко постоянно поднимала проблемы воспитания девушек⁵. Писательница обращала внимание на гармоничное, «разумное» воспитание девушек: их подготовку к семейной жизни и к активной роли в жизни общества путем открытия профессиональных школ для девушек, мотивируя и пропагандируя эту программу в литературном творчестве. При этом если в произведениях, предшествовавших роману «Над Неманом», писательница очень эмоционально, но все-таки только констатирует нетерпимое социальное положение женщины, то в названном романе Ожешко настойчиво ищет пути выхода из этого положения.

Следует отметить, что приемы создания женских образов у Ожешко традиционны. Писательница следует эстетическим принципам Ипполита Тэна, поэтому характеристика персонажей зависит от детерминирующих их факторов (биологического, исторического, социального), связанных также с определенным характером воспитания.

⁴ D. Markowska, *Dom – twierdza tożsamości*, [w:] *też*, *Dom we współczesnej Polsce*, Warszawa 1992, s. 205.

⁵ «Женский вопрос» волновал Ожешко на протяжении всей творческой жизни. Как в ранних произведениях, так и в зрелом творчестве эта проблема у нее не теряет актуальности. Это же можно сказать и о публицистических выступлениях писательницы («Несколько слов о женщинах» (1870) – «О польской женщине» (1891).

Рассуждения на тему «женского вопроса» в «Над Неманом» невозможны без анализа различных женских типов в романе (их галерея достаточно многочисленна). Остановимся лишь на некоторых из них. Каждая из героинь принадлежит к определенному социальному кругу. Так, в трагическом образе вдовы Анджея Корчинского, замкнувшейся в скорбной, но пассивной памяти о муже и в результате воспитавшей никчемного сына-космополита, а также в образе ее юной невестки Клотильды, представляющей тип хорошенькой, но совершенно беспомощной женщины-ребенка, женщины-лианы, – в романе даны аристократки, вызывающие у читателя не только сочувствие, но и осуждение.

Эмилия Корчинская представляет поместное дворянство. Сделав из своей женственности культ, она замкнулась в «патогенном» пространстве действительных и надуманных болезней и недомоганий. Сознательно редуцировав свой мир до двух комнат, заполненных любимыми безделушками, где она переходит с кровати на кушетку и с кушетки на кровать, Эмилия не знает и не хочет знать, что происходит за его пределами. Ей чужды и безразличны проблемы, волнующие мужа. Она не замечает даже благородной красоты окружающей природы. Поведение Эмилии, по мнению Ожешко, – результат неправильного воспитания, которое угрожает также ее дочери Леоне. Эмилию легко можно ассоциировать с лирическим Ты популярного в Польше в эпоху позитивизма стихотворения «Женщине», написанного близкой приятельницей Ожешко Марией Конопницкой и иронично названного Гражиной Борковской «антитезой программы эмансипации»⁶:

Posłuchaj! Kocham – to nie znaczy wcale:
 „Chcę być pieszczoną w twym domu królową,
 Chcę iść przez życie drogą kwieciami...
 Chcę, żyć z twej pracy i z twego potu...
 Chcę, byś był moim cieniem, moim echem,
 Odpowiedzialnym za mnie niewolnikiem...”⁷

Как и поэтесса, автор «Над Неманом» протестует против распространенных в популярной литературе образов женщин, ищущих в браке только личную выгоду и удовольствие, эгоистичных и далеких от реальной жизни. Писательница осуждает такой традиционный образец поведения, согласно

⁶ G. Borkowska, *Reguła i wyjątek*, [w:] tejsze, *Cudzoziemki*, Warszawa 1996, s. 152.

⁷ Цит. по: J. Zacharska, *Początki emancypacji kobiet w literaturze polskiej*, [w:] tejsze, *O kobiecie w literaturze przełomu XIX i XX wieku*, Białystok 2000, s. 14.

которому женщина изолируется от экономических и социальных проблем и живет в искусственном мире в полной зависимости от мужчины.

В решении проблемы любви и «женского вопроса» особая роль отводится главной героине лирического плана Юстине Ожельской, которая, как и ее дальняя родственница Марта, является представительницей обедневшего поместного дворянства. Социальный статус девушки и ее внутреннее состояние подчеркнуты в тщательно выписанном портрете Юстины.

В этой девушке «довольно высокого роста» соединились черты барышни из высшего общества и девушки из крестьянской среды. *«Ее черное шерстяное платье, очень скромного, но модного покроя, сшитое, несомненно, искусной рукой, прекрасно подчеркивало стройные линии ее сильной фигуры: она была широка в плечах и тонка в талии. Судя по манере держаться и нежной свежести ее лица, она получила, вероятно, очень тщательное и даже несколько тепличное воспитание. Однако в ее жестах и движениях чувствовалась излишняя резкость и даже какая-то нарочитая грубоватость»*. Юстина «смело подставляет под жгучие лучи полуденного солнца и голову, обвитую черной косой, и смуглое лицо, на котором выделялись большие серые глаза и алый рот. Все это поражало тем более, что гордая манера держать ничем не прикрытую голову и сдвигать темные брови придавала ей смелый и независимый вид. Вообще эта барышня или деревенская девушка, которой было лет двадцать с небольшим, казалась воплощением женской красоты, здоровой и полной силы, но надменной и угрюмой. В ее молодом и свежем лице не было той ясности, которую придает счастье или покой смирения, хотя сейчас оно сияло тем чисто физическим оживлением, каким наполняет человека, еще не совсем опустошенного жизнью, длительное и свободное общение с природой»⁸.

Отдавая дань модной в литературе XIX века патогномике, писательница каждой детали в этом развернутом портрете придает особый смысл. Из того, как уверенно держит голову героиня, как сводит темные брови над серыми глазами, цвет которых говорит о спокойном, уравновешенном характере, следует, что Юстина – девушка гордая (хотя и несколько угрюмая) и смелая. В ее лице всегда читается серьезность и задумчивость. Алые губы, бледнеющие при волнении, свидетельствуют о чувственности, исключаящей, однако, несдержанность. Румянец на смуглых щеках, загорелые руки и вся фигура молодой женщины, чаще всего подчеркнутые

⁸ Э. Ожешко, Над Неманом, Минск 1985, с. 11. Все последующие фрагменты текста романа цитируются по данному изданию с указанием страницы.

черным платьем, прекрасно облегающим ее «сильный и стройный стан»⁹, свидетельствуют о силе и здоровье. Красота Юстыны, по мнению польского исследователя творчества Ожешко, профессора Юзефа Бахужа, «не журнальная или оранжерейная, блестящая только при определенной температуре и при специальном уходе. Это красота при любой погоде»¹⁰. Романная судьба героини, ее поступки и слова подтвердят все достоинства, подчеркнутые автором во внешнем облике Юстыны.

Как и героини ранних повестей Ожешко, как и сама писательница, свои знания о жизни Юстына получает ценой болезненных ошибок и разочарований. Связанная с поместным дворянством (шляхтой) по рождению и вынужденная жить на правах бедной родственницы в Корчине, она задыхается здесь в «патогенном» пространстве салона Эмили Корчинской, где царит праздность и разыгрываются пошлые флирты. Ожешко настойчиво подчеркивает, что в жизни салона нет места добродетели, любви, счастью. Замкнутая в этом порочном пространстве, как в клетке, Юстына уже несколько лет страдает, но не видит из него выхода:

...Давно уже опротивели мне их наряды и развлечения, их поэзия и любовь... Я живу так, потому что не могу устроить себе другой жизни. Но если могу поступать по-своему, то поступаю так, и никого это не касается, – признается она Марте¹¹. Особенно мучает девушку сознание собственной бесполезности, бесцельности жизни.

Иногда она сравнивала себя с камнем, занимающим место в поле, где могла бы вырасти хотя бы горсть зерна. Стыд и тоска!¹²

Скованная и хмурая, она часто напоминает дикарку, которой ее непокорная природа велит быть неуступчивой и бдительной. Жизнь Юстыны в шляхетской усадьбе, несмотря на хорошее отношение хозяев, сводится к бесплодному, нудному и пустому существованию, которое разнообразили лишь унижительные события, связанные с Зыгмунтом.

Писательница ищет для своей героини выход из создавшегося положения – и находит. Пережив очередное унижение и поспешно покинув шляхетское общество, собравшееся на дне рождения Эмили, Юстына как бы случайно выходит на тропу, уводящую девушку через «ржаной бор» от всего, что «мучило, ранило и унижало»¹³, в мир абсолютно новых для нее ценностей.

⁹ Там же, с. 31.

¹⁰ J. Bachórz, *Wstęp*, [w:] E. Orzeszkowa, *Nad Niemnem*, Wrocław, 1996, t. 1, s. LXXXIII.

¹¹ Э. Ожешко, с. 15.

¹² Там же, с. 199.

¹³ Там же, с. 76.

То, чего так не хватало героине в Корчине, она находит в околице Богатыровичи. В проводники на пути к новой жизни автор дает Юстыне Яна Богатыровича – одного из представителей той «великолепной расы» Богатыровичей, «неиссякающей, сильной, интеллигентной, несмотря на необразованность, и в самой простоте своей удивительно изысканной», о которой Ожешко с восторгом писала Леопольду Мейе в связи с замужеством своей служанки в Гродно¹⁴.

Благодаря Яну становится возможным духовное преобразование Юстыны. Оно начинается с посещения могилы Яна и Цецилии и знакомства с гербовой легендой Богатыровичей, имеющей в романе статус мифа. Это погребение XVI века, в котором покоятся протопласты рода – шляхтянка и мужик, – художественный символ архетипа польского народа. Универсальность мифа Ожешко подчеркнула путем конкретизации его смысла в дальнейшем развитии любовной линии романа. Союз героев лирического плана приобретает у Ожешко исключительную историческую важность, поскольку с ним связано возрождение мифа в современности.

Но подлинным «причащением» к живительной и облагораживающей силе народной традиции станет для Юстыны посещение места гибели и безымянного погребения сорока повстанцев. Здесь из могильного кургана в ее душу ворвется поток незнакомых до сей поры мыслей и чувств, связанных не с «известным количеством моргов земли или счастьем отдельных лиц», а с мужеством, самоотверженностью, добровольной смертью во имя идеи, во имя интересов народа и человечества.

Рассказ Яна о восстании и жертве, торжественная атмосфера пушчи как сокровищницы и святости национальной памяти и, наконец, контакт с землей Могилы, к которой приникла Юстына, превращают этот момент в «сакральное переживание в его чистом виде»¹⁵. Можно сказать, что на трансцендентном уровне происходит соединение душ и судеб героев: «в обители смерти в сердцах героев забил источник жизни»¹⁶.

Чеслав Милош не случайно назвал роман «Над Неманом» «трактатом об отваге»¹⁷. Свою любимую героиню писательница поставила в ситуацию трудного выбора, от которого зависит судьба Юстыны и который, действительно, требует от нее мужества. Неписанный кодекс шляхетского

¹⁴ Смотри об этом: E. Jankowski, *Bohатыrowicze i chamy*, [w:] tegoż, *Eliza Orzeszkowa*, Warszawa 1988, s. 296.

¹⁵ J. Sztachelska, „*Nad Niemnem*” jako *epopeja kresowa*, [w:] *Wokół „Nad Niemnem”*, pod red. J. Sztachelskiej, Białystok 2001, s. 121.

¹⁶ Э.Ожешко, с. 198.

¹⁷ Cz. Miłosz, *Historia literatury polskiej do roku 1939*, Kraków 1996, s. 355.

общества предлагает Юстыне два варианта будущего: она может либо продать себя, выйдя замуж за нелюбимого человека, который, однако, обеспечит ей достаток и социальный статус, либо остаться старой девой, заняв в Корчине место Марты, и «стать, как все». Но свадьба с Ружицом – изысканным щеголем с болезненным телом и атласными руками, молодым стариком, «потрепанным миллионером» (по определению Зыгмунта) – отнимет у Юстыной надежду реализовать себя как женщину и стать счастливой. Вместе с тем разрыв со шляхетской средой и уход к хлеборобам Богатыровичам означают для героини отказ от социальных привилегий и тяжелый физический труд, потому что потомки Яна и Цецилии хотя и гордятся своим шляхетством, дарованным им королем Зыгмунтом Августом в XVI веке, но работают на земле как обычные крестьяне.

Однако мудрая Юстына понимает: только союз с любимым человеком вернет ей самоуважение и позволит ощутить полноту существования. Поэтому решается на уход из дворянского дома. Такой решительный шаг (на который когда-то не отважилась Марта) не означает социальной и нравственной деградации героини. Традиции и обычаи Богатыровичей, подчеркивает Ожешко, не только возлагают на женщин многочисленные обязанности, но и обеспечивают защиту их человеческого достоинства, дают чувство безопасности. Отсутствие женской дискриминации исключает их борьбу за свои права. Здесь нет места салонным куклам – жизнь женщин не может быть редуцирована до декоративной бесполезности. Поэтому околица становится для Юстыны «превосходной душевной терапией»: в Богатыровичах она впервые дышит полной грудью и здесь во всей полноте раскрывается ее женственность.

Профессор Бахуж пишет: «Уравнивая мужчину и женщину, представляющих околицу Богатыровичи, в праве самим выбирать свою судьбу и жить достойно, Ожешко смелее, чем в других произведениях, представляет в Юстыне женственность как особый род впечатлительности, особое видение мира, определенные женские мечтания и ожидания. Как будто хотела в образе Юстыны воплотить свою собственную – выраженную в корреспонденции со многими людьми – тоску по воплощению в женщине эмансипированной атрибутов идеи «вечной женственности». Характеристики такой женственности складываются в «Над Неманом» в определенную сумму черт и стремлений, традиционных в литературе XIX века, предшествовавшей феминистическим баталиям. В любом случае, идеал женщины в «Над Неманом» не имеет ничего общего с требованиями и манифестами тех феминисток, которые, ссылаясь на Жорж Санд,

демонстрировали свою независимость от сложившегося общественного мнения и нарушали социальные табу»¹⁸.

В надеждах Юстыны как женщины представления о будущей работе даны у Ожешко очень неопределенно. Зато отчетливо прослеживается ее стремление найти счастье в семье, рядом с сильным, добрым и любящим мужчиной. Поэтому не случайно образы героев, претендующих на любовь героини, воплощающей идею женственности, даются в «феминистической перспективе» (Ю. Бахуж). Реалистически мотивируя выбор девушки, образ ее избранника Ожешко создает на основе принципа контраста. Предавший ее Зыгмунт вызывает болезненные воспоминания. Физически слабый наркоман Теофиль Ружиц – смущение и неприязнь. Только рядом с Яном Юстына испытывает состояние спокойной и доверчивой радости. Ее радуют движения его сильной и жесткой ладони, даже его беспомощность в признании. Во всем этом она открывает для себя настоящего мужчину, рядом с которым знакомые молодые дворяне, с их ухоженными руками и актерскими манерами, явно проигрывают. Красивый и добрый, высокий и складный, Ян кажется Юстыне «олицетворением смелости» и «зрелой мужской силы»¹⁹.

Любовь, которую выбирает героиня, – спокойная, радостная, созидательная и ответственная. Она совсем не похожа на романтическое чувство из томика поэзии Альфреда де Мюссе, полное слепой страсти, стихийное, граничащее с сумасшествием, с болью, изменой, сомнением, презрением. Сознательно и последовательно защищаясь от всего, что противоречит ее представлениям о том, кто она есть и кем она хочет быть, чувству ее человеческого достоинства, представлениям о любви и счастье, она выбирает жизнь максимально насыщенную, требующую постоянного труда, поисков, стремлений.

Ожешко не доверяет тому, что является «в человеке природой, не доверяет тому, что говорит в человеке как склонность и влечение. Ее девиз: не я, не мое, не мне. Без сомнения, это формула жизни совести»²⁰.

Таким образом, героиня выбирает себе в мужа сильного, физически и нравственно красивого мужчину, околица Богатыровичи становится для Юстыны превосходной душевной терапией, потому что здесь ей обеспечены защита ее человеческого достоинства и чувство безопасности. Следуя идее

¹⁸ Смотри об этом: J. Bachórz, *Wstęp*, [w:] E. Orzeszkowa, *Nad Niemnem*, Wrocław 1996, t. 1, s. LXXXVI.

¹⁹ Э. Ожешко, с. 83.

²⁰ S. Brzozowski, *Eliza Orzeszkowa*, [w:] tegoż, *Eseje i studia o literaturze*, t. 1, Kraków 1990, s. 425.

самоограничения, героиня, воплощающая здоровую и полную силы женскую красоту, самой природой созданная для роли любимой жены и матери, делает «разумный» выбор: отвергает «блестящую партию», отказываясь от высокого положения в свете, и вступает в «безнравственный», по мнению Зыгмунта, союз с Яном. Безусловно, такой выбор Юстыны продиктован определенным самоограничением сферы личной свободы в выборе жизненного пути. Но, как замечает Станислав Бжозовский, Ожешко прекрасно чувствует «пульс нравственной жизни определенной эпохи». Она идеализирует союз, в котором любовь не является единственной целью жизни, а сила страсти не изолирует любящих героев от общества. «Радость, наивное трепетание, бездумное следование каждому импульсу мгновения абсолютно ей чужды»²¹. Отвергая Зыгмунта и Ружица, героиня выбирает единственное искреннее и нравственное чувство – любовь Яна. Только такая любовь может стать у Ожешко фундаментом счастья и мудрой эволюции жизни.

В «Над Неманом» Ожешко отождествляет эмансипацию с принятием на себя женщиной новых обязанностей и ответственности. По-прежнему являясь хранительницей домашнего очага, она еще и верная подруга, и опора для любимого мужчины, но в браке, который основан на настоящей любви, на уважении к человеку, который этого заслуживает. Осуществление именно такого идеала возможно только при выборе соответствующего партнера. Однако, чтобы сделать такой выбор, женщина должна быть достаточно зрелой, подготовленной к нему воспитанием и всей жизнью.

Для писательницы условием достижения удовлетворения в семейной жизни является сознание реализации более широких, более общих целей. Любовь и брак должны стать источником не только счастья, но и поприщем для выполнения миссии, поскольку из благополучия семей как звеньев вырастает благополучие общества как цепи.

Таким образом, в романе «Над Неманом», наряду со многими «животрепещущими» проблемами жизни польского общества, поднимается «женский вопрос» – одна из важнейших социальных проблем, волновавшая Э. Ожешко в течение всей творческой жизни. В образе главной героини лирического плана писательница смелее, чем в более ранних произведениях, представила мечту о счастливой эмансипированной женщине и наиболее значимые составляющие парадигмы своей программы эмансипации. Решение «женского вопроса» в романе далеко от феминистических баталий. Юстына Ожельская, воплощающая идею «вечной женственности»,

²¹ Там же, с.425.

стремится реализовать себя как женщина в традиционной семье, рядом с любимым и любящим мужчиной, привлекательным не только физически, но и нравственно. Путь к женскому счастью, однако, потребует от героини мужества, чтобы переступить через сословные границы. Стремления Юстыны как женщины коррелируются в романе с экзистенциально важными для писательницы поисками смысла жизни. Выбор Юстыны связан с известным самоограничением и подчинением индивидуальных интересов общим, поскольку важнейшей составляющей осмысленной жизни является интегральная связь личных переживаний героини «с направленной активностью», соединяющей ее с природой и обществом.

Литература

- Bachórz J., *Wstęp*, [w:] E. Orzeszkowa, *Nad Niemnem*, Wrocław 1996, t. 1, s. III – CXLVI.
- Borkowska G., *Reguła i wyjątek*, [w:] tejsze, *Cudzoziemki. Studia o polskiej prozie kobiecej*, Warszawa 1996, s. 149–181.
- Brzozowski S., *Eliza Orzeszkowa*, [w:] *Eseje i studia o literaturze*, t. 1, Kraków 1990, s. 422–430.
- Długosz W., *Mikroświat erotyki w „Nad Niemnem”*, [w:] *Wokół „Nad Niemnem”*, pod red. J. Sztachelskiej, Białystok 2001, s. 91–100.
- Jankowski E., *Bohatyrowicze i chamy*, [w:] tegoż, *Eliza Orzeszkowa*, Warszawa 1988.
- Markowska D., *Dom – twierdza tożsamości*, [w:] *Dom we współczesnej Polsce*, Warszawa, 1992.
- Miłosz Cz., *Historia literatury polskiej do roku 1939*, Kraków, 1996.
- Ожешко Э., *Над Неманом*, Минск, 1985. Фрагменты текста романа цитируются по данному изданию, в скобках после цитаты указана страница.
- Zacharska J., *Początki emancypacji kobiet w literaturze polskiej*, [w:] *O kobiecie w literaturze przełomu XIX i XX wieku*, Białystok 2000, s. 9–20.
- Sztachelska J., *„Nad Niemnem” jako epepeja kresowa*, [w:] *Wokół „Nad Niemnem”*, pod red. J. Sztachelskiej, Białystok 2001, s. 11–23.

Elena I. Bilutenko

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

**«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЛИЗЫ ОЖЕШКО
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «НАД НЕМАНОМ»)**

Summary

В образе главной героини романа «Над Неманом» Э. Ожешко смелее, чем в других произведениях, воплотила мечту о счастливой эмансипированной женщине, а также наиболее значимые составляющие парадигмы своей программы эмансипации. При этом стремление Юстыны Ожельской – носительницы идеи «вечной женственности» – к счастью в союзе с любимым и любящим мужчиной, воплощающим зрелую мужскую силу, коррелируется с экзистенциально важными для писательницы поисками смысла жизни, обретение которого невозможно без самоограничения и подчинения индивидуальных интересов общим. Поэтому важнейшей составляющей жизни героини становится интегральная связь личных переживаний с направленной активностью, соединяющей ее с природой и обществом.

Ключевые слова: эмансипация, феминизм, женский вопрос, дискриминация, женственность, любовь, семья.

Słowa kluczowe: emancypacja, feminizm, pozytywizm, kwestia kobieca, dyskryminacja, kobiecość, miłość, rodzina.

HELENA BILUTENKO – doc. dr, pracownik Grodzieńskiego Uniwersytetu Państwowego im. Janki Kupały. W latach 1989–2015 pracowała w Katedrze Filologii Polskiej, prowadziła zajęcia z historii literatury polskiej XIX w. W roku 1998 obroniła doktorat pt. *Polska romantyczna gawęda szlachecka w prozie okresu międzypowstaniowego 1830–1863 (geneza, swoistość ideowo-artystyczna)*. Obecnie pracuje w Katedrze Przygotowania Językowego Obywateli Białorusi i Obcokrajowców. Jest autorką monografii *Романтическая шляхетская гавенда в польской прозе XIX века/ УО „Гродненский государственный университет имени Янки Купалы”*, науч. Ред. С. Ф. Мусиенко. – Гродно, ГрГУ, 2008. – 135 с.; i wielu artykułów, m.in. *Nowy obraz ojczyzny w romantyzmie polskim (na przykładzie „Pana Tadeusza” Adama Mickiewicza)* (Kraków 2010).